

УДК 37:27 (470.41-25)

EDN JIAJNJ

О труде Каюма Насыри «Материалы по татарской этнографии» (к 200-летию со дня рождения)

И. К. Загидуллин,

*Центр исламоведческих
исследований АН РТ,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

About Kayum Nasyri's work “The Materials on Tatar ethnography” (to the 200th birthday)

I. K. Zagidullin,

*Center for Islamic Studies, the Academy
of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Kazan, the Republic of Tatarstan,
the Russian Federation*

Аннотация

Статья посвящена истории публикации рукописи Каюма Насыри «Материалы по татарской этнографии» на татарском языке в 1926 г. литературоведом Г. Рахимом в сборнике «Неизданные произведения Каюма Насыри и материалы к 100-летию юбилею со дня рождения». Доказывается, что раздел труда «Обычаи» написан К. Насыри в 1860-е гг., когда он работал практикантом татарского языка в Казанской духовной семинарии. В нем описываются обряды повседневной жизни главным образом татаро-мусульманского населения Свияжского уезда и г. Казани, связанные с важнейшими событиями в жизни человека. В опубликованном Г. Рахимом в 1926 г. варианте текста отсутствует один раздел рукописи 1860-х гг. «Посты, праздники, игры». Утверждается, что первые три раздела данного труда («Жилище», «Одежда», «Пища») являются главами самостоятельного научного исследования, посвященного домашнему быту жителей татарских слобод Казани в 1860-1870 гг. В качестве доказательства вниманию читателя впервые спустя 120 лет предлагается малоизвестная статья К. Насыри «Домашний быт татар-мусульман полвека назад», опубликованная в 1905 г. российским тюркологом Н. Ф. Катановым в журнале «Деятель». Эта статья представляет собой сокращенный перевод вышеуказанных первых трех разделов рукописи «Материалы по татарской этнографии» на татарском языке; в ней содержатся несколько уточнений. Поэтому при исследовании письменного наследия К. Насыри, имеющего отношение к этнографической науке, следует комплексно рассматривать эти два ключевых труда татарского писателя в данной области исторических знаний.

Abstract

This article is devoted to describe the history of the publication of Kayum Nasyri's manuscript “The Materials on the Tatar Ethnography” in Tatar in 1926 by literary critic G. Rahim in the collection “Unpublished works of Kayum

Nasyri and materials for the 100th anniversary of his birth". It is proved that the section of the work "The Customs" was written by K. Nasyri in the 1860s, when he worked as an intern of the Tatar language at the Kazan Theological Seminary. It describes the rituals of the daily life of the mainly Tatar-Muslim population of Sviyazhsky district and Kazan, associated with the most important events in human life. In the version of the text published by G. Rahim in 1926, one section of the 1860s manuscript "Fasts, holidays, games" is missing. It is argued that the first three sections of this work ("Housing", "Clothing", "Food") are the chapters of an independent scientific study devoted to the household life of the inhabitants of the Tatar settlements of Kazan in 1860-1870. As proof, for the first time after 120 years, K. Nasyri's little-known article "The home life of Muslim Tatars half a century ago", published in 1905 by the Russian Turkologist N. F. Katanov in the Detel magazine, is offered to the reader's attention. This article is an abridged translation of the above-mentioned first three sections of the manuscript "The Materials on the Tatar ethnography" in the Tatar language; it contains several clarifications. Therefore, when studying the written heritage of K. Nasri related to ethnographic science, these two key works of the Tatar illuminator in this field of historical knowledge should be considered comprehensively.

Ключевые слова

Татарское просветительство, татарская этнография, быт татар-горожан, К. Насыри, Г. Рахим, Н. Ф. Катанов.

Keywords

The Tatar enlightenment, the Tatar ethnography, the daily life of Tatar citizens, K. Nasyri, G. Rahim, N. F. Katanov.

Татарского просветителя Каюма Насыри в полной мере можно назвать «юбилейной личностью» советской эпохи, исследование письменного наследия и издание трудов которого приурочивались к круглым датам его жизни.

Данная традиция была заложена в 1922 г., когда в молодой Татарской АССР по случаю 20-летия со дня кончины К. Насыри в Казани было проведено торжественное собрание ученых и общественности. Итогом юбилейных мероприятий стал сборник статей «Каюм Насыри мәжмугасы» («Сборник Каюма Насыри»)¹, в котором своими статьями участвовали Г. Ибрагимов, Г. Рахим, Г. Губайдуллин (Г. Газиз), Дж. Валиди, А. Гаффар, Х. Бадиги. В сборнике также был опубликован перевод на татарский язык его научной статьи «Поверья и обряды казанских татар, образовавшиеся мимо влияния на жизнь их суннитского магометанства» под названием «Казан татарларының ышанулары, ырымнары, имләүләре (Борынғы шамаизм калдыклары)» («Верования, обычаи, заклинания казанских татар (остатки древнего шамаизма»).

В рамках подготовки празднования 100-летия со дня рождения просветителя усилился интерес к письменному наследию К. Насыри. В 1926 г. труды просветителя были изданы отдельным сборником «Каюм Насыриның моңарчы басылмаган әсәрләре һәм йөз еллык бәйрәм материаллары» («Неизданные произведения Каюма Насыри и материалы к 100-летию юбилею со дня рождения») под общей редакцией Гали Рахима.

В этот сборник была включена статья «Татар этнографиясе материаллары» («Материалы по татарской этнографии»), рукопись которой в Академцентр Наркомпроса Татарской АССР принес ближайший родственник просветителя,

племянник Габдрахман Хусаинов. Выявленная рукопись позволила заявить о К. Насыри как о первом татарском этнографе. Рукопись в печать подготовил известный литературовед и текстолог Г. Рахим, написавший к публикуемому материалу небольшую пояснительную записку «Башлангыч» («Начало»).

В 1931-1934, 1938-1940 гг. Г. Рахим был подвергнут репрессиям, и его публикации были изъяты из употребления. Ученый был реабилитирован решением Верховного суда Татарской АССР 20 февраля 1958 г.²

Примечательно, что вышеназванная публикация Г. Рахима не оказалась в «Списке литературы о Каюме Насыри», опубликованном в 1975 г. известным татарским библиографом А. Г. Каримуллиным³. Она отсутствует и в составленной в 2017 г. доктором филологических наук Р. Ф. Исламовым библиографии, посвященной жизни и творчеству просветителя⁴. Впервые она появилась лишь в опубликованном в 2024 г. биобиблиографическом указателе (составитель Р. Ф. Исламов)⁵.

Эта небольшая по объему публикация, в которой текстолог делится своими впечатлениями, примечательна в нескольких аспектах. В качестве достоинства труда Г. Рахим указывает структурированность материала по правилам европейской этнографической науки⁶. При этом текстолог, хорошо знакомый с почерком просветителя, замечает, что рукопись не является переписанным набело текстом. Более того, если первые три раздела написаны в определенной последовательности, то сюжеты последнего раздела «Гадэтләр» («Обычаи») имеют различные редакции. По этой причине ему, как редактору, пришлось, скрупулезно сопоставив различные варианты, выбрать из них наиболее полные тексты.

Следует отметить еще несколько важных наблюдений Г. Рахима. Со ссылкой на неотредактированность текста и шероховатость предложений, литературовед считает, что данный труд по какой-то причине остался незавершенным. От внимательного взора Г. Рахима не ускользнуло стремление Насыри к лишнему для татарского читателя объяснению явлений национального быта посредством примеров из жизни русских. На этом основании Г. Рахим выдвигает предположение о том, что данный текст был составлен по просьбе русских ученых и этнографов. К тому же была у К. Насыри такая практика, когда он опубликовал в журнале Русского географического общества переведенную на русский язык свою статью, посвященную поверьям казанских татар, отмечает редактор⁷.

Развивая свою мысль, Г. Рахим приходит к заключению, что К. Насыри планировал написать развернутый труд по татарской этнографии; он находит в рукописи предложения, свидетельствующие о намерении просветителя отдельно изложить этнографию сельского татарского населения. В частности, Г. Рахим приводит его обещание при описании одежды мулл и ишанов написать об этом специально («Моның хакында бер фасыл язармын»). На этом основании редактор полагает, что Насыри намеривался написать о быте и образе жизни различных социальных слоев – классов татар. Внимание Г. Рахима также привлекла цитата, в которой речь идет о шляпе, недозволенной для мусульман. Насыри отмечает, что об этом головном уборе у него имеется довольно объемный труд («Бу эшләпә хосусында минем байтак зур рисалә бар»), который по сей день остается не выявленным.

Называя рукопись К. Насыри единственным трудом по этнографии татарского народа старой эпохи («иске заман») и оценивая его в качестве «документа, дающего значительный “сырой” материал по истории татарской этнографии XIX века», Г. Рахим сообщает о своем решении опубликовать труд без изменений, проигнорировав все его недостатки и недоработанность. Одновременно он перечисляет введенные им в текст новшества: приведение арабского алфавита в соответствие с ныне действующим, проставление знаков препинания для удобства чтения; обозначение в квадратных скобках новых слов, которые введены с целью дополнения некоторых неудачных предложений. При этом дополнения самого автора были обозначены круглыми скобками, отмечает редактор.

По его мнению, практически все заглавия в текстах написаны самим Насыри⁸. Полагаем, что тем самым Г. Рахим иносказательно сообщает о том, что ему пришлось придумать общее название текстам Насыри, посвященным различным аспектам жизни и быта татар: «Материалы по татарской этнографии».

В разделе «Пища» Г. Рахим уведомляет читателя повсеместной замене использованного К. Насыри слова для обозначения татарских блюд термином «бөккән» без обозначения этого исправления в квадратных скобках⁹.

Нами установлено, что тексты раздела «Обычаи» К. Насыри написал в 1860-е гг., когда работал практикантом татарского языка в Казанской духовной семинарии.

Один из лучших выпускников Казанской духовной семинарии П. П. Масловский, который в период обучения близко общался с К. Насыри, был в курсе его научных изысканий, составил в 1870 г. «Программу преподавания татарского языка и науки о татарстве» и представил ее на рассмотрение своего начальства¹⁰. (Программа не была одобрена. – И. З.).

Этот документ примечателен глубокой осведомленностью автора творческой лабораторией практиканта татарского языка. В частности, в качестве одного из средств повышения эффективности изучения семинаристами разговорного языка и народного быта П. П. Масловский предлагает издать в виде хрестоматии собранные К. Насыри произведения народной словесности и «читать пословицы, загадки, песни, басни и сказки татар»¹¹.

Для знакомства учащихся с татарским народным мировоззрением автор «Программы» рекомендует рассказать о мифических существах, суеверных приметах, предсказаниях и лечебных обрядах, раскрывая каждую тему по той структуре и последовательности, которая была представлена в неопубликованной на тот момент статье К. Насыри, которую П. П. Масловский перевел (в 1867 г. – И. З.) на русский язык¹². (Эта статья под названием «Поверья и обряды казанских татар, образовавшиеся мимо влияния на жизнь их суннитского магометанства» была опубликована в 1880 г. в «Записках Императорского Русского географического общества. По отделению этнографии» (Т. 6. – С. 241-270)).

При изучении темы «суннитская обрядовость» П. П. Масловский рекомендует после знакомства учащихся с 1) арабской азбукой с молитвами обрядовыми при них объяснениями, часто издающейся в Казани, 2) книгой «Фазаилуш-шугур» и 3) книгой «Тухфат-уль-мюлюк» прочитать лекции об обычаях и жизни татар-мусульман по следующей структуре и последовательности: «1) колыбельный пир, 2) наречение имени, 3) обрезание, 4) ганыка курбани,

5) сватание невесты, 6) смотр свадебных подарков, 7) свадебный пир, 8) вступление в лоно девицы, 9) принятие жениха к невесте, 10) кактюш-мя(д)жлиси, 11) привоз невесты в дом жениха, 12) посты, праздники, игры, 13) похороны лиц обоего пола». В качестве материала к лекциям указывает книгу В. А. Сбоева «О быте крестьян Казанской губернии», отмечая при этом, что этот автор поверхностно («с птичьего полета») описывает быт татарского населения. П. П. Масловский считает, что «записки трудолюбивого Насырова по татарской этнографии обширнее и компетентнее», и рекомендует их к изданию¹³.

Очевидно, что П. П. Масловский, близко знакомый с рукописными текстами своего бывшего учителя по татарскому языку, изложил труд в той структуре и последовательности, каким он был в рукописи автора.

Текст, подготовленный в печать Г. Рахимом, совпадает со структурой П. П. Масловского: 1) «Бала тумак» («Рождение ребенка»), 2) «Балага ат кушмак» («Имянаречение»), 3) «Бишек туе» («Колыбельный пир»), 4) «Гакыйга корбаны» («Жертвоприношение в честь первых волос новорожденного»), 5) «Сөннәткә утыртмак» («Обрезание»), 6) «Кыз яучылатмак» («Сватание невесты»), 7) «Туй мәҗлесе» («Свадебный пир»), 8) «Бүләк багу» («Смотрины свадебных подарков»), 9) «Кыз куенына кермәк» («Уединение жениха и невесты»), 10) «Кияү кертмәк» («Прием жениха»), 11) «Как-төш мәҗлесе» («Меджлис как-тош»), 12) «Килән төшермәк» («Прибытие невесты в дом жениха»), 13) «Үлек күммәк» («Похороны умершего»)¹⁴. Как видим, П. П. Масловский ознакомился с незавершенным вариантом рукописи Насыри, который добавил/выделил еще один подраздел – «Рождение ребенка».

Очевидно, первые пять разделов рукописи Г. Рахим структурировал в правильной последовательности событий. Однако в публикуемом Г. Рахимом тексте отсутствует предпоследний подраздел «Посты, праздники, игры» структуры П. П. Масловского. Получается, или этот подраздел отсутствовал среди бумаг Насыри, или же его изъяли из публикации под воздействием усиливающейся в этот период в Татарской АССР антирелигиозной кампании.

В 1897-1902 гг. известный российский тюрколог Н. Ф. Катанов (1862-1922) в разделе «Восточная библиография» журнала «Деятель» регулярно публиковал небольшие аннотации/рецензии на новые татарские печатные издания, в том числе на книги К. Насыри.

Следует отметить, что сотрудничество К. Насыри с экстраординарным профессором Казанского университета Н. Ф. Катановым, выросшее в доверительные, дружественные отношения, началось в Обществе археологии, истории и этнографии (ОАИЭ) практически с момента переезда последнего в 1894 г. в Казань. Н. Ф. Катанов первоначально исполнял обязанности секретаря ОАИЭ, а также ответственного секретаря его периодического издания – «Известий», в 1898 г. был избран председателем Общества.

В 1895 г. Катанов, намереваясь написать статью о татарских календарях для «Ученых записок» Казанского университета, обратился к просветителю, который в ответ передал безвозмездно четыре экземпляра старых своих изданий¹⁵.

В «Известиях» ОАИЭ за 1895-1896 гг. с вводным словом Н. Ф. Катанова были опубликованы «Образцы народной литературы казанских татар – загадки,

пословицы, песни» К. Насыри. Материал включает 28 загадок с отгадками, 244 пословиц и поговорок, 158 коротких песен, разделенных по тематике, на татарском (на арабике) и русском языках (перевод сделан Катановым)¹⁶.

В своем труде «Исторические песни казанских татар» (1899) российский тюрколог использовал материалы, переданные К. Насыри или заимствованные из опубликованных трудов просветителя¹⁷.

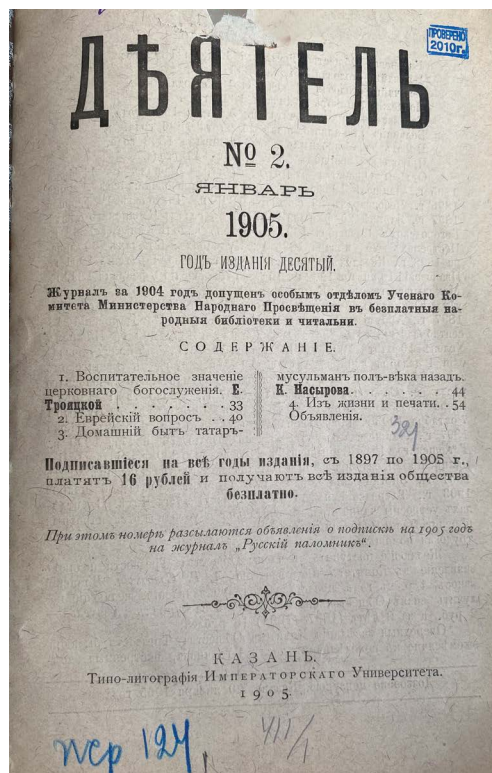
Спустя три года после кончины Насыри, в 1905 г. в журнале «Деятель» (№ 2) Н. Ф. Катанов опубликовал неизвестную общественности статью «Домашний быт татар-мусульман полвека назад»¹⁸. Как было рассмотрено выше, Г. Рахим в 1926 г. пророчески высказал предположение, что публикуемые рукописи являются первичным материалом для научной статьи на русском языке, и оказался прав.

Статья имеет следующую структуру: «I. Дом и убранство», «II. Одежда татар», «III. Одежда женщин», «IV. Пища и питье». Как видим, с целью более четкого изложения материала, раздел об одежде татар-мусульман Насыри разделил на две самостоятельные части.

Важно отметить, что в публикациях советских исследователей Н. И. Воробьева¹⁹ и Р. К. Уразмановой²⁰, посвященных этнографическим изысканиям татарского просветителя, отсутствует ссылка на вышеназванную статью К. Насыри. Ее не оказалось и в самом полном на сегодняшний день биобиблиографическом справочнике, составленном Р. Ф. Исламовым²¹ и иллюстрированной персональной энциклопедии К. Насыри²².

Очевидно, с учетом давности написания труда и процессов европеизации в татарском обществе Казани, Н. Ф. Катанов счел необходимым указать примерное время фиксированных К. Насыри наблюдений из жизни соплеменников – «полвека тому назад».

В рукописи автор отмечает, что пять-десять лет тому назад за исключением меня татары еще не носили «русские брюки»²³. В статье появление этого новшества в татарской мужской одежде автор также связывает со своей личностью: «Лет 10 тому назад я почти один стал носить русские брюки и по этому случаю

*Деятель. – 1905. – № 2.
Из фондов Научной библиотеки
им. Н. И. Лобачевского КФУ.*

*The Author. – 1905. – № 2.
From the funds of Nikolay Lobachevsky
Scientific Library of Kazan Federal
University.*

татары смеялись надо мной»²⁴. Исходя из приведенных высказываний полагаем, что «русскими брюками» Насыри обзавелся в период работы в Казанской духовной семинарии (1855-1870 гг.).

Резюмируя, отметим, что после книги К. Фукса «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях» (Казань, 1844)²⁵ статья Насыри является вторым основным исследованием по быту жителей татарских слобод Казани. Книга К. Фукса, несомненно, оказала определенное влияние на структуру статьи Насыри и стиль изложения материала. В частности, наблюдения автора о схожести татарского и русского домов снаружи, описание наряда татарки, собравшейся в гости, и стоимости элементов ее праздничной одежды в значительной степени перекликаются с текстом К. Фукса. Вслед за К. Фуксом, Насыри также отмечает постепенное проникновение в повседневную жизнь мусульман-слобожан элементов европейского образа жизни, доказывая свое мнение новшествами в мебелировке и интерьере домов горожан и некоторыми новыми элементами и явлениями в одежде мужчин и женщин.

Достоинством исследования Насыри является качественно новый уровень освещения избранных тем. Будучи носителем татарской культуры, Насыри очень квалифицированно уточняет, углубляет и расширяет знания русского читателя о традиционном пищевом этикете, одежде горожан и интерьере татарского дома, отмечая новые детали, например, наличие в татарских домах не только Корана, но других книг, главным образом, религиозно-нравственного содержания, а у знающих русский язык – и изданий на русском языке²⁶.

Если К. Фукс ограничивается простым перечислением увиденного, то К. Насыри, особенно в разделе о питании, охотно делится информацией гастрономического характера, повествуя об ингредиентах и способах приготовления тех или иных национальных блюд. Также следует отметить широкую осведомленность Насыри о европейском и традиционном стиле, он описывает структурные элементы национальной мужской и женской одежды, рассказывает о материалах и технологии шитья. При каждом удобном случае просветитель стремится вкратце сообщить русскому читателю о причинах появления в быту и повседневной жизни соплеменников того или иного правила или обычая. Благодаря такого рода причинно-следственным сюжетам повествование просветителя, в отличие от эмоциональных высказываний К. Фукса, воспринимается как профессиональное изложение элементов традиционного городского быта татар.

Итак, в «Материалах по татарской этнографии» К. Насыри объединены два текста. Последний и самый объемный раздел – «Обряды» – написан в 1860-е гг., когда К. Насыри преподавал в Казанской духовной семинарии татарский язык, в нем описываются обряды повседневной жизни главным образом татаро-мусульманского населения Свияжского уезда и г. Казани, связанные с важнейшими событиями в жизни человека. В опубликованном Г. Рахимом в 1926 г. варианте текста отсутствует один раздел рукописи 1860-х гг. «Посты, праздники, игры».

Первые три раздела труда татарского просветителя («Жилище», «Одежда», «Пища») являются главами самостоятельного научного исследования, посвященного домашнему быту жителей татарских слобод Казани в 1860-1870 гг. Малоизвестная в научных кругах статья К. Насыри «Домашний

быт татар-мусульман полвека назад»²⁷, впервые предлагаемая вниманию современного читателя спустя 120 лет, является сокращенным переводом первых трех разделов рукописи «Материалы по татарской этнографии». В ней имеются несколько важных уточнений и дополнений. Поэтому при исследовании письменного наследия К. Насыри, имеющего отношение к этнографической науке, следует комплексно рассматривать эти два ключевых труда татарского просветителя в данной области исторических знаний.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Каюм Насыри мәжмугасы. Вафатына егерме ел тулу мөнәсәбәте белән чыгарыла. – Казан, 1922.
2. Хөснетдинова Г. Кереш // Рухи мирас: эзләнүләр һәм табышлар = Духовное наследие: поиски и открытия / Редкол.: И. Г. Гомаров (проект жит. һәм җавап. мөх.), З. З. Рәмиев, А. М. Ахунов; төзүчеләр: Л. Ш. Гарипова, Г. М. Ханнанова. – Казан: ТӘҺСИ, 2020. – Б. 5-8.
3. [Кәримуллин Ә. Г.] Каюм Насыри турында әдәбият // *Насыри К. Сайланма әсәрләр*. 2 т.: 2 т. – Казан, 1975. – Б. 307-313.
4. Исламов Р. Ф. Каюм Насыриның тормышы һәм иҗаты турында библиография // Каюм Насыри: Әдәби-тарихи һәм документаль-биографик җыентык. – Казан: Жыен, 2017. – Б. 753-811.
5. Исламов Р. Ф. Каюм Насыри: Биобиблиографик күрсәткеч. – Казан, 2024. – Б. 119.
6. Рәхим Г. Башлангыч // Каюм Насыриның моңарчы басылмаган әсәрләре. Мәжмуга / Г. Рәхим карамагында. – Казан, 1926. – Б. 83.
7. Шунда ук. – Б. 83.
8. Шунда ук. – Б. 83, 84.
9. *Насыри К.* Татар этнографиясе материаллары // Каюм Насыриның моңарчы басылмаган әсәрләре һәм йөз еллык бәйрәм материаллары. – Казан, 1926. – Б. 95.
10. Харламович К. П. П. Масловский и его переписка с Н. И. Ильминским // *Известия Общества археологии, истории и этнографии*. – 1907. – Т. XXIII. – Вып. 2. – С. 89.
11. Там же. – С. 91.
12. Там же. – С. 92.
13. Там же. – С. 94.
14. *Насыри К.* Татар этнографиясе материаллары // Каюм Насыриның моңарчы басылмаган әсәрләре. Мәжмуга / Г. Рәхим карамагында. – Казан, 1926. – Б. 95-107
15. Гайнуллин М. Х. Каюм Насыров в документах // Каюм Насыри, 1825-1945: Материалы научных сессий, посвященных 120-летию со дня рождения / Отв. ред. Н. И. Воробьев. – Казань, 1948. – С. 118-119.
16. *Насыри К.* Образцы народной литературы казанских татар – загадки, пословицы, песни // *Известия Общества истории, археологии и этнографии*. – 1895-1896. – Т. XIII. – Вып. V. – С. 374-427.
17. Катанов Н. Ф. Исторические песни казанских татар // *Известия Общества истории, археологии и этнографии*. – 1899. – Т. 15. – № 3. – С. 273-306.
18. *Насыров А. К.* Домашний быт татар-мусульман полвека назад // *Деятель*. – 1905. – № 2. – С. 44-53.
19. Воробьев Н. И. Каюм Насыри – этнограф // Каюм Насыри. 1825-1945 (Материалы научных сессий, посвященных 120-летию со дня рождения). – Казань, 1948. – С. 104-108.
20. Уразманова Р. К. Каюм Насыри как этнограф // *Выдающийся просветитель-демократ Каюм Насыри*. – Казань, 1976. – С. 163-166.
21. Исламов Р. Ф. Каюм Насыри: Биобиблиографик күрсәткеч. – Казан, 2024. – 160 б.

22. Каюм Насыри: иллюстрацияле персоналъ энциклопедия / Төз.-авт.: Р. В. Шәйдуллин (төркемнең житәкчесе), Р. Ф. Исламов, Ф. С. Гыйниятуллина, Ф. Г. Камальтдинова, И. Х. Хәмиуллин, Ф. Р. Бәдретдинова, Г. И. Каюмова. – Казан: М. Хәсәнов исем. Татар энциклопедиясе һәм төбәкне өйрәнү институты, 2025.
23. Насыри К. Татар этнографиясе материаллары // Каюм Насыриның моңарчы басылмаган әсәрләре. Мәжмуга / Г. Рәхим карамагында. – Казан, 1926. – Б. 91.
24. Насыров А. К. Домашний быт татар-мусульман полвека назад // Деятель. – 1905. – № 2. – С. 49.
25. Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Краткая история города Казани. Репринтное воспроизведение. – Казань, 1991.
26. Насыров А. К. Домашний быт татар-мусульман полвека назад // Деятель. – 1905. – № 2. – С. 45.
27. Информацию о данной статье К. Насыри мне любезно сообщил кандидат исторических наук Р. А. Бушков, за что выражаю ему свою искреннюю благодарность.

Домашний быт татар-мусульман полвека назад

I. Дом и убранство

Дом или жилище городских жителей сравнительно с деревенскими гораздо чище и есть, конечно, между ними различие. Прежде всего мы здесь опишем жилище городских жителей. Внешняя сторона дома татар ничем не отличается от домов русских горожан, но, если взглянуть на внутренность дома, то внутреннее устройство его несколько не походит на дома русских. Ни в одном татарском доме нельзя встретить парадного крыльца; большая часть домов состоит из двух отделений – одно для мужчин, другое для женщин, и последний никогда не ходит в дверь, которою ходят мужчины, а потому для женщин всегда делаются в доме особые двери, даже самые *отхожие** места отделены для женщин. В комнатах мужчин женщины никогда не весят или вообще не кладут своего платья, а для этого всегда имеют места в своих отделениях. Все это основывается на законе мусульманском, предписывающим мужчинам быть б. ч.** отдельно от женщин. В доме бывают различные отдельные комнаты для гостей, для сна; бывают даже во многих, особенно в богатых домах, так называемые столовые, хотя сами татары не отличают их теми названиями, какие обыкновенно приличны их назначению и которыми их отличают русские. В каждой комнате непременно стелют ковры, и по этим коврам ходят в ичетках без голош. Стены домов всегда обиты шпалерами преимущественно яркого цвета.

Но в этом отношении надобно заметить, что татары, которые находятся в близких отношениях к русским, поддаются много влиянию русского элемента во внутреннем устройстве или вообще в убранстве своих домов. В домах татар обыкновенная меблировка, как напр[имер], мебель, зеркала, часы и др., также во всеобщем употреблении, как и у русских. Особенно замечательно, что столы татар всякое время дня и ночи накрыты бывают скатертью. На столах, на лежанках всегда можно встретить прекрасные вычищенные медные подсвечники, тазы, подносы и другие в этом роде вещи, которые они выставляют на вид для большого украшения своих комнат.

* Здесь и далее выделение курсивом соответствует выделению в документе.

** Здесь и далее – большей частью.

На окнах стоят всегда цветы, а картин не бывает, даже и не считают нужным этого: они относятся к картинам с некоторым предубеждением, имеющим свое основание в мусульманском непочитании икон вообще. Поэтому у них сложилась пословица: сурят булган ойга фарештя кермей – в дом, где есть картины, ангел не входит. Молитвы никогда они не совершают, обращаясь к той стороне стены дома, где находятся картины, потому что это считается недозволительным. Надобно впрочем заметить, что татары разделяют картины на два разряда: одни из них, изображения дерева, города или какой-нибудь местности вообще, употребляются у них и не считаются запрещенными, а другие – изображения людей, животных вообще запрещены и потому не употребляются.

Видим в этом разделение предметов на одушевленные и неодушевленные, и такое разделение основано на неопределенном представлении мусульман икон христианских, и во всяком изображении предмета одушевленного они видят икону*. На место картин татары украшают стены красиво написанными стихами Корана, маленькими брошюрками величиною б. ч. в обыкновенную четверку, потом еще изображениями Мекки и Медины и общеупотребительными молитвами**. Кроме того, развешивают по стенам дорогие полотенца, а окна завешивают шторами б. ч. белой миткали*** и кисеи****.

Шкафы наполнены в виде украшений разного рода посудой серебряной, золотой и вообще блестящей, чайными ложками, стаканами, тарелками и тому под[обным]. Потом в каждом почти доме можно встретить довольно число мусульманских книг, большею частью религиозно-нравственного содержания; впрочем, между ними есть и исторические сказки, даже романы, а знающие по-русски имеют и русские книги. Собак они не держат в комнатах своих, как часто встречается у русских, потому что все, чего коснется собака, считается совершенно нечистым и негодным для употребления людям. В доме, кроме обыкновенных жилых покоев, бывают на дворе все те пристройки, какие встречаются у русских. Татары городские держат гусей, уток, коров, а в комнатах имеют и певчих птиц, какие обыкновенно встречаются и у русских.

Некоторые, особенно небогатые, держат так называемых египетских голубей, и по рассказам болтливых старух считается это – содержание голубей – особенно спасительным делом, основанием считают известное мусульманское верование, что во время пребывания Мухаммеда, при бегстве из Мекки в Медину, в пещере голуби египетские устроили свое гнездо над этой пещерой и тем спасли Мухаммеда от преследования его врагов. В каждом семействе можно встретить очень немного курящих и это курение табаку в своих домах считается неприличным. Вообще, впрочем, они любят курить только не в своих домах, а где-нибудь на стороне; так напр[имер], поутру напившись дома чаю, татарин

* Относительно картин, впрочем, надобно заметить, что татары сами, если имеют картины и портреты свои, то непременно держат их где-нибудь скрытно или в сундуке, или в столе, вообще везде, где не видят люди (прим. документа).

** Видимо, автор здесь имеет в виду шамаил.

*** Миткаль – тонкая хлопчатобумажная ткань, созданная способом полотняного переплетения (прим. документа).

**** Кисея – прозрачная ткань, применяемая для пошива занавесей и элементов женского туалета (прим. документа).

выходит из дому на рынок и тотчас же заходит в гостинницу, единственно для того, чтобы покурить.

II. Одежда татар

Знает ли кто, с коих пор или от кого сохранилась норма настоящей одежды татар-мусульман? У татар имеются обыкновенно: рубаха, штаны, камзол – в роде русской мещанской поддевки, казакин, зилан, чапан, кафтан, полушубок, так называемые по-русски душегрейки или фуфайки, тулуп, шаровары, бишмет, ичетки, калоши, башмаки, шапка, тюбетейка или такыя*, украшенная золотом, и калляпуш**. Тюбетейка из какой-нибудь материи. Некоторые из этих одежд есть и у других народов, иные же совершенно не известны и не походят на одежду ни одного народа. Но вот рубахи мужчин, живущих в окрестности здешней, бывают длиною немного выше колен, а если случится у кого рубаха длиннее колен, то она подвергается насмешке и считается женской рубахой на мужчине. Рукава рубашек бывают очень широки; рубашки шьются обыкновенно из ситцевой материи по вкусу каждого, но ни в коем случае не из шелковой, и вообще никакой одежды не имеют из шелковой материи, это не дозволяется законом; впрочем, исключение в этом случае бывает только для тюбетейки – калляпуш, которую употребляют и из шелка. Надобно заметить, что татарки носят всегда штаны, как и мужчины. Мужские штаны бывают непременно из ситцевой или другой какой-нибудь материи, вообще выделяемой на фабриках, но больше всего из ситцевой материи. Книзу они делаются гораздо шире, чем у других народов, длиною до щиколотки. У штанов не бывает пуговиц, а делается из складок пояс, в который вдевается завязка и таким образом татары поддерживают штаны на своих бедрах. Белого цвета штаны носят очень немногие из мужчин, а женщины совсем не носят. А так называемые притворные, но не действительные ишаны – наши «святоши», носят белые шляпы и белые тюбетейки и соединяют этим чистоту внутреннюю – душевную.

Впрочем, некоторые только что приехавшие из Бухары по своим делам носят и белого цвета штаны или рубашку, причем последняя бывает совершенно без воротника на манер бухарской и потому такая рубаха называется *Бухар кюльмаге* (бухарская рубаха). Есть так называемые по татарски одежда – камзол. Эта одежда бывает очень короткая, несколько выше нижней части поясницы без руковов и надевается прежде всех одежд поверх рубашки вместо русских жилетов и бывает с воротником, застегивают ее спереди, пуговиц на пять-шесть, с карманами. Есть еще другого рода камзол с рукавами почти до локтя, и бывает из бухарской так называемой *адрыс* или *бикасаб*, материи полосатой, разноцветной. В настоящее время почти совсем оставляют одежду без бухарской материи, а носят только бухарские халаты.

Казакин походит больше на священническое полукафтанье ниже колен до щиколоток из всякой материи. Прежде бывало шили казакин больше всего из адрыса или бикасаба, а ныне шьют из сукна или из другой какой-нибудь заграничной материи. Он бывает из трех складок назади с долгими рукавами до конца пальцев руки; пуговицы бывают из топаза или серебра, смотря по желанию

* *Такыя* – тюбетейка, вышитая золотом или серебром и другими ценными жемчужными камнями (прим. документа).

** *Калляпуш* – слово персидское, значит калля голова и пуш покрывка, наголовник (прим. документа).

каждого. На двух сторонах бывает два кармана и еще для часов бывает на груди особенный небольшой карман. Если казакин сшит на вате, то выйдет уже так называемый бишмет, который по форме своей ничем не отличается от казакина: его обшивают кругом шелковой или шерстяной тесьмой. Зиян бывает или из панковой, или из ластиковой, шерстяной или бумажной материи, если же шьется из сукна, то называется *чикмян* – русский кафтан. По форме зиян и чикмян совершенно одинаковы. Он бывает без складок назади, прямой, с высоким воротником и обшит тесьмой по желанию или вкусу каждого. Но зиян или чикмян никогда не шьются из пестрой или полосатой материи. Прежде бывало, снизу чикмяна и зияна полы обшивали отличной от верхнего цвета материей, а ныне это оставили.

ЧAPAN – это собственно национальная бухарская одежда и перешла чрез бухарцев, он бывает из адряса*, бикасаба**, саринджи***, бяняраса****. Подобно зияну, бывает на подкладке и с обшивкой снизу полы и кругом полы шелковой тесьмой. Чапан служит одеждой преимущественно для духовных лиц – мулл; впрочем и богачи надевают, когда отправляются в мечеть или куда-нибудь на многолюдное собрание. Но для домашнего обихода в роде халата у татар особенной одежды нет, смотря по времени они надевают всякого рода одежду, если тепло – камзол и сверху чапан, а если холодно – фуфайку, а некоторые носят их и в комнатах, не смотря на то, что там бывает иногда постлан ковер; при выходе на двор надевают ичетки с калошами.

Тун (тулуп) бывает различной формы и сообразно с этим называется или кыска тун (коротенький тулуп – полушубок), который длиною бывает до колен, а если длиннее этого – до щиколоток, то называют его *о́ч-билле тун* (с тремя окладками тулуп), который бывает всегда без карманов, и носят его вместо обыкновенного большого тулупа и обшивают его камчатским или сибирским бобром сверх (покрышка), его бывает из сукна или из другой какой-нибудь шерстяной материи; прежде бывало шили его из адряса или бикасаба, но ныне оставили это, подражая несколько в этом случае европейцам. Его застегивают пятью или шестью пуговицами, смотря по выбору каждого, бывает он из лисьего или овечьего меху. Богатые татары шьют всякого рода одежды и по несколько экземпляров, несмотря на то, что часто не приведется износить и в десять-двадцать лет, и все то они постоянно как-бы на показ попеременно надевают. Обувь также много и различного рода. Из обуви больше всего употребляются ичетки, а сапоги вообще мало носят; сапоги, надобно заметить, носят по преимуществу люди низшего звания. Калоши татарские по форме отличаются несколько от русских калош, они бывают всегда мелки и задники их обшиваются зеленой кожей. Городские жители совершенно не носят лаптей, по преимуществу деревенской обуви.

* Адряс есть разного цвета бухарская материя, которая имеет свою длину из шелка, а поперечную половину из бухарской материи (прим. документа).

** Бикасаб – полосатая тоже бухарская материя и также из шелка и бумажной материи; полосы ее бывают и мелкие, и широки (прим. документа).

*** Саринджи – тоже полосатая бумажная материя (прим. документа).

**** Бянярась походит на бикасаб по своему составу из шелка и бумажной материи, но отличается от нее тем, что мелкие полосы бывают серебристые (прим. документа).

Бўрек (шапка). Шапки большею частью употребляются бобровые и очень дорогие: по цене от 5 до 200 р[ублей] сер[ебром], впрочем всякий, имеющий бобровую шапку, имеет для обыкновенного употребления и простые шапки – дешевые. Сверху обшивают шапку бархатом, а внутри – шелком или мехом; кроме того, носят еще каракульские каракульской мерлушки или из *данадара* – бухарского беловатого меха. Шапки надевают обыкновенно всегда сверх таккы или калляпуш, а на голую голову никогда не надевают. Прежде бывало употреблялся так называемый *колакчын* – малахай (колакчын – с ушами), так называется потому, что он шился обыкновенно с ушами, ныне он в употреблении только у башкир. Шляпы, вместо шапки, употребляют очень редко. Некоторые так называемые святоши-муллы обыкновенно презируют тех, кто носит шляпы, потому-де, что они не знают, какую именно нельзя или можно употреблять шляпу. Впрочем, из книг видно отчасти, что надевающий национальную одежду язычника делается неверным, но тут говорится о шляпе совсем другого рода, а не об обыкновенной, каковая шляпа очень высокая, с широкими полями. О так называемой «языческой» шляпе есть особенное довольно обширное сочинение. Здесь кратко скажу, что шляпу язычника не позволительно надевать только в том случае, если кто надевает ее с целью уподобиться во всем язычнику, быть, так сказать, по одежде полным язычником. В этом случае действительно осуждается надевание шляпы язычника, а муллы этот исключительный случай берут за общее правило. Иногда требуется надеть ее по особенным обстоятельствам, напр[имер], когда покупает у язычника корову, привыкшую видеть своего хозяина всегда в шляпе. Она может не даваться доить новому хозяину, поэтому последний, чтобы подоить корову, должен принять образ прежнего хозяина; в этом случае татарин может без всякого осуждения надеть шляпу язычника или еще, когда нужно летом защититься от палящих лучей солнца или спастись от дождя. Для защиты от солнца обыкновенно должна быть белая шляпа.

Чалбар (шаровары). Татары носят чалбар, которые бывают двух родов: а) татарские чалбар, которые вовсе не походят на русские брюки, а завязывается длинной тесьмой, а оконечности штанин бывают очень узкие. Их нельзя носить сверх голенищ, а потому носят за голенищами; б) русские брюки (урыс чалбары), которые в последнее время в большом употреблении у татар вместо чалбар. Лет 5-10 назад тому не было совершенно в употреблении урыс чалбары, но в настоящее время татары в этом отношении попадают мало-помалу под влияние европейцев. Лет 10 тому назад я почти один стал носить русские брюки, и по этому случаю татары смеялись надо мной.

III. Одежда женщин

У всякого народа одежда женская всегда разнится от мужской. Вот одежда женщин-татарок: рубаха, штаны, ичетки, башмачки, калоши, камзол, тун-ксябия, зыулык, шаль, бўрек, чяч-тянкасе, ука-изю, тянка-изю, хаситя, зяка чылбыры, алка, блязек, зюзек. Кроме перечисленных еще много других одежд, но эти более известны. В настоящее время материя татарской одежды бывает всегда одинакова, большею частью разноцветная, пестрая, но смотря по тому, кому какой цвет нравится, и в этом случае вкус, как и форма материи, не ограничивается модою, которой у них нет. Вообще татары – мужчины и женщины – любят более яркоцветную красивую материю. Есть некоторые татары, которые совершенно

черного цвета материю считают не приличною. Татарские женские рубахи бывают очень длинны до земли, так что покрывают ногу, по закону, который гласит, что женские одежды должны быть таковы. Подол одежды бывает двойной – с оборкой. Прежде оборка бывала из материи другого цвета, чем платье, а теперь она бывает одинакового цвета с платьем. Некоторые татарки делают на своих платьях до трех оборок, а некоторые не любят таких платьев, их-де* носят публичные женщины. Требуются большею частью шелковые или шерстяные платья, а форма их одинакова совершенно. У платья на груди бывают особенного рода украшения, которыми они унижают свою грудь до плеч из позументов или сереб[ряных] монет. Эти унижения состоят из нескольких рядов: первый – желтого позумента, далее – белого позумента и кругом обшивается лентою или один ряд из позументов, а далее – лента, униженная монетами. Кроме того, делается еще воротник с цепочкой (шейная цепочка), которая висит на груди и унижается монетами. Этот воротник бывает твердый и надевается сверх рубашного воротника, потом застегивается серебряной пуговицей. Эти украшения, кажется, перешли к татарам от соседей их чуваш, которые и теперь еще употребляют совершенно такие же украшения. Подобного рода украшения татарки употребляют и на косах своих; на ленте или тесьме в косе они привешивают монеты – с шеи до задницы, монеты бывают: четвертаки, полтинники и др. мелкие сереб[ряные]. Некоторые богатые употребляют и золотые монеты. После монеты в конце ленты они приделывают еще так называемые чулпы, привески из камней драгоценных или из рублевых монет.

Штаны женские совершенно одинаковы с мужскими; некоторые женщины носят под платьем кринолины, но это не уважается среди татар. Есть у татарок еще камзол, который шьется из штофной материи**, внутри подкладка из листового меха или шелковая, а обшивают его бобровым мехом; ширина от 2 до 3 пальцев, а около бобровой обшивки обшивают позументом; камзол бывает без рукавов и длина его до колен.

Тун женский бывает обыкновенно из разных материй и мехов; покрой туна бывает такого сорта: воротник в ширину не сходится, а передняя часть его вырезывается, а застегивается он уже ниже – сверху пол, а в вырезанном месте выставляется окружающая всю вообще шею *яка чылбыры*. Тун бывает обшит бобром и позументом; длина его до щиколоток. Другого рода женский тун бывает подобен русской шубе. Некоторые богатые женщины носят совершенно русский салоп, но этих салопниц очень немного, так что во всей Казани можно насчитать их не больше 10-ти.

Есть еще у женщин особенного рода одежда, так называемая *ксябикя*. Верх бывает из материи *бикасаб* или *адрыс*, на вате или на меху. Сверху полы обшивают шириною в 3 вершка белечьим мехом; рукава ее бывают довольно короткие и шире против рукавов туна.

Головная одежда женщин – *бурек*, обшитая кругом бобровым мехом; верх ее бывает вышит золотом или жемчугом, а внутри обыкновенно бывает на вате. Некоторые женщины надевают вместо *бүрек* *калпаки* шелковой материи

* Так в документе.

** Штофная материя – шерстяная ткань с тканым рисунком.

и бархата, обшиты кругом золотой бахрамой, а в конце ее висят кисти золотые; спереди над лбом тянется также золотая довольно широкая бахрама.

Женские *читек* совершенно разнятся от мужских *читек*. Женские *читек* шьются из козлового сафьяна, но надобно заметить, что они шьются не из одной сплошной материи, но для разнообразия цветов или для пестроты делаются в них фигуристые разноцветные ставки или вшивки в разных местах довольно симметрично; сверху голенища бывают обшиты лентами.

Башимак (башмаки) шьются подобно мальким калошам, но без задников, и надеваются сверх *читек* только на носках, а далее внизу представляется только подошва с маленькими, но довольно высокими каблуками. Сверху спереди вышиваются золотом и камнями.

Кяуш – по форме сходны с *кяуш* мужскими, шьются обыкновенно из сафьяна – красного, зеленого, черного. Сверху их унизывают золотом и камнями, а также снабжают их золотую кистью вверху стопы. Постилка внутри делается мягкая, как подушка. Есть иные татарки, которые надевают русские башмаки и полусапожки. Вот туалет татарки, которая идет в гости: шелковая сорочка, убор – из позумента; назади на косе привешиваются *чяч тянкасе*, на конце косы бывает золотая кисть; на шею надевается сверх рубашки *яка чылбыры*. Потом надевается *хаситя*, камзул, потом на голову надевается калпак или шляпка, серьги, сверх шапки накидывается шаль, надевается *тун*, наконец, сверх его *чапан*, которым татарка закрывается с головы до ног.

IV. Пища и питье

Значение татарского слова *аш* различно, оно означает сначала вообще пищу, все, что можно есть – вареное и сырое; потом *аш* значит еще особенного рода употребление пищи в известное время, как напр[имер], обед русский – *аш*. Наконец, еще *аш* однозвуч с русским словом обед – пир. Пищу можно рассматривать: а) со стороны продуктов, которые употребляются у того или другого народа в пищу, и б) относительно времени, когда употребляется та или другая пища. Самый необходимый и, так сказать, обыденный продукт как у татар, так и у русских, есть ржаной хлеб и мясо, потом за хлебом следует у татар их национальная пища *шурпа*. У более богатых татар пища готовится, как и на русской богатой кухне, с приправами разного рода, как-то: употребляются масло, мясо, сорочинское пшено*, крупа, изюм, гусятина, курятина, (рыба мало и редко употребляется), яблоки, яйца, морковь, тыква и др. в этом роде. В самом большом употреблении, как более питательный продукт, мясо, потом лапша или салма, пельмени. Если же случаются гости, для угощения готовятся обыкновенно различного рода кушанья. Если какой-нибудь богатенький татарин возовет гостей, то по обыкновению готовит необходимое для пира кушанье *палау*, которое варится в котле. Это *палау* бывает двух родов, один сорт называется *сарт палау* – бухарский *палау*, а др. род уже казанское местное *палау*, отличающееся от первого особого рода приготовлением. Казанские татары больше всего готовят так: прежде всего вареную говядину хорошенько мелко крошат, варят сорочинское пшено предварительно в одной воде; после этого в кипящий котел кладется масло, при чем все-таки остается немного огня

* Сорочинским пшеном назывался в России рис, поступавший с Востока.

под котлом, употребляется масло или коровье, или овечье (киргизской овцы) безразлично. После этого в растопленное масло кладут говядину, сверх говядины кладется искрошенная морковь и лук, изюм и кишмиш; сверх всего этого кладут вареное сорочинское пшено. После этого котел хорошенько закрывают и даже закупоривают, чтобы хорошенько все упрело. В этом положении в котле остается эта смесь всего час или полтора часа. После этого, когда все упрет, вынимают и едят. Вслед за этим кушаньем приносят или лапшу, или салму, или же пельмени. Все эти кушанья известны. После этого приносят *бялеш* или *губадья*. Эти два кушанья по форме сходны. Но первое – бялеш – готовят в виде пирогов – круглые; сначала расстилают тесто, сверх кладут сорочинское вареное пшено, потом сверх этого – крошенное сырое мясо, соли и перца немного, также изюму; потом все свертывают кругом и выходит пирог, который пекут на сковороде в печи. Губадья бывает как бялеш, бывает круглый, но в нее кладут не крошеного мяса, а рубленного, непосредственно на тесто. Сверх этого кладут *корот* (эта штука делается из творога, именно кладут его сначала в котел, и он там варится и делается красным и крупитчатым). Сверх него накладывают крошенное яйцо, масла, изюму и подобно бялешу свертывают, и выходит также пирог. Тесто как для бялеша, так и губадья делают на масле сдобным. *Салма* готовится двояким образом: 1-е, мелко крошенное мясо кладут сначала в котел, когда мясо варится, тесто сучат и, выделав в роде трубок, отрывают от них части и бросают прямо в котел, кладут туда также картофелю и луку (салминки бывают крупные); 2-е, тесто представляет тоненькие рубочки, и из них-то пальцем выделывают салминки и опять ввергают в котел.

Ойря (суп) бывает из сорочинского пшена и др. круп. Когда варят куриный суп, то в него кладут салму или сорочинское пшено, также молока.

Есть еще *урдяк беккене**, которое делается таким образом: расстилают тесто, в середину его кладут немного вареного сорочинского пшена, и сверх его кладут всю утку цельную и закрывают в пшене сорочинском, потом тесто свертывают через середину пирога и выходит – урдяк беккене овальной формы. Беккен, губадья и бялеш, несмотря на то, что они представляют форму пирога и состоят из сплошной твердой массы, едят не с вилкой, а ложками. Сначала сверху разрезают и вынимают внутренность, содержимое, ложками. Беккен пекут из тыквы и моркови, яиц, а из рыбы очень редко пекут. Потом бывают еще маленького формата беккен пирожки, которые пекутся на сковороде и называются *сумса*.

Потом приносят после беккен гусятины или мясо пырки, искрошенные вместе с огурцами и посыпанные уксусом и хреном; затем приносят еще крошеного мяса на большой тарелке: в среди мяса ставится уксус в чашке и едят его с обмачкой в этой чаше.

Далее приносят алма бялеше – пироги с яблоками, паштеты.

К чаю подают баурсак, маленькие из теста орехи, варенные в масле; также подается *кош теле* – «птичий язык», который делается также из теста, только рассученного, в виде неправильных четырехугольников.

А. К. Насыров.

Деятель. – 1905. – № 2. – С. 44-53.

* Вслед за Г. Рахимом термин «бёкмя» заменен на слово «беккен».

Список литературы

Исламов Р. Ф. Каюм Насыриның тормышы һәм ижаты турында библиография // Каюм Насыри: Әдәби-тарихи һәм документаль-биографик җыентык. – Казан: Жыен, 2017. – Б. 753-811.

Исламов Р. Ф. Каюм Насыри: Биобиблиографик күрсәткеч. – Казан, 2024. – Б. 119.

Каюм Насыри: иллюстрациялә персональ энциклопедия / Төз.-авт.: Р. В. Шәйдуллин (төркемнең җитәкчесе), Р. Ф. Исламов, Ф. С. Гыйниятуллина, Ф. Г. Камальтдинова, И. Х. Хәлиуллин, Ф. Р. Бәдретдинова, Г. И. Каюмова. – Казан: М. Хәсәнов исем. Татар энциклопедиясе һәм төбәкне өйрәнү институты, 2025. – 500 б.

Хөснетдинова Г. Кереш // Рухи мирас: эзләнүләр һәм табышлар = Духовное наследие: поиски и открытия / Редкол.: И. Г. Гомаров (проект җит. һәм җавап. мөх.), З. З. Рәмиев, А. М. Ахуннов; төзүчеләр: Л. Ш. Гарипова, Г. М. Ханнанова. – Казан: ТӘҺСИ, 2020. – 9нчы чыг. – Б. 5-8.

Фукус К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Краткая история города Казани. Репринтное воспроизведение. – Казань, 1991. – 210 с.

References

Islamov R. F. *Kayum Nasyirinyñ tormyшы hem ijaty turynda bibliografiya* [The Bibliography about the life and work of Kayum Nasyri]. IN: *Kayum Nasyri: Edebi-tarikhi hem dokumental'-biografik jyentyk* [Kayum Nasyri: Literary, Historical, Documentary and Biographical collection]. Kazan: Jyen publ., 2017, pp. 753-811.

Islamov R. F. *Kayum Nasyri: Biobibliografik kursetkech* [Kayum Nasyri: the bio-bibliographic index]. Kazan, 2024, pp. 119.

Kayum Nasyri: illyustraciya personal' enciklopediya [Kayum Nasyri: an illustrated personal encyclopedia]. Toz.-avt.: R. V. Shajdullin (torkemnen jitekchese), R. F. Islamov, F. S. Gyniyatullina, F. G. Kamal'tdinova, I. H. Haliullin, F. R. Badretdinova, G. I. Kayumova [Compilers-authors: R. V. Shaidullin (the head of the group), R. F. Islamov, F. S. Giniyatullina, F. G. Kamaltdinova, I. H. Khaliullin, F. R. Badretdinova, G. I. Kayumova]. Kazan: M. Hasanov isem. Tatar enciklopediyase hem tobekne ejrenu instituty publ., 2025, 500 p.

Khusnetdinova G. *Keresh* [The Introduction]. IN: *Rukhi miras: ezlenuler hem tabyshlar = Dukhovnoe nasledie: poiski i otkrytiya*. Redkol.: I. G. Gumarov (proekt jit. hem javap. mokh.), Z. Z. Ramiev, A. M. Akhunov; tozucheler: L. Sh. Garipova, G. M. Khannanova [The Spiritual heritage: searches and discoveries. Editorial board: I. G. Gumerov (the head of the project and editor), Z. Z. Ramiev, A. M. Akhunov; compiled by L. S. Garipova, G. M. Khannanova]. Kazan, 2020, Issue 9, pp. 5-8.

Fuks K. *Kazanskie tatory v statisticheskoy i etnograficheskoy otnosheniyakh*. *Kratkaya istoriya goroda Kazani*. *Reprintnoe vosproizvedenie* [Kazan Tatars in statistical and ethnographic terms. A brief history of the city of Kazan. Reprinted Edition]. Kazan, 1991, 210 p.

Сведения об авторе

Загидуллин Ильдус Котдусович, доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, e-mail: zagik63@mail.ru

About the author

Il'dus K. Zagidullin, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, e-mail: zagik63@mail.ru

В редакцию статья поступила 21.08.2025, опубликована:

Загидуллин И. К. О труде Каюма Насыри «Материалы по татарской этнографии» (к 200-летию со дня рождения) // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2025. – № 4. – С. 84-100.

Submitted on 21.08.2025, published:

Zagidullin I. K. O trude Kayuma Nasyri "Materialy po tatarskoy etnografii" (k 200-letiju so dnja rozhdenija) [About Kayum Nasyri's work "The Materials on the Tatar ethnography" (to the 200th birthday)]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 2025, no. 4, pp. 84-100.